

О. М. СОМОВ

ПИСЬМО К Г-НУ МАРЛИНСКОМУ

Сосед мой, Житель Васильевского острова, письмом своим к вам, возбудил во мне сильное желание посмотреть его шкаф с литературными уродцами¹. Я пришел к нему и, признаюсь во лжи моей, выдал себя за путешественника, из ряда тех, которых Стерн называет *любопытными*. Осмотрев шкаф, полюбовался его устройством и расположением, подивился собранным в нем диковинам и возвратился домой. Подражание также сообщается от человека человеку, как зевота и смех. Я подумал, подумал — и давай заводить свой шкаф литературных редкостей! Желая, однако ж, показать в нашем небольшом кругу, что я не совсем рабский подражатель, сделал в шкафе моем следующие отмены от соседа: мой шкаф без ножек, а на карнизе его, вместо фриз и шаблонов, вырезан стих хотя из той же поэмы, но не тот, коим украшены дверцы шкафа у почтенного моего соседа. Вот выбранный мною стих:

Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и слепо, и немо².

По краям шкафа, над карнизом, расставлены доставшиеся мне по наследству фарфоровые китайские уродцы, а

наверху шкафа находится группа, представляющая Марсия, с которого сдирают кожу³. Группу сию, по моему рисунку, отлил один итальянский художник-самоучка, обещающий со временем редкий талант. Спеша блеснуть моими редкостями, я наполнил наскоро мой шкаф разными новостями, боясь, чтобы сосед мой не успел захватить их прежде меня. Назову вам некоторые из них, ибо полного каталога еще не успел составить: несколько похвал в стихах и прозе одной известной певице; какие-то стихотворные и прозаические урывки около десятка русских каламбуров, слышанных мною в театре; перевод одной бесконечной немецкой идиллии; большая поэма, которая в подлиннике написана гладкими и прекрасными стихами, а переведена шероховатою и несносною прозою; отрывки из другой оригинальной поэмы, в которой я вижу много искусства и науки, суждение о какой-то выставке, в которой выставлено очень много слов и сказано очень мало дельного; разбор нового песнопения, похвальные стихи песнопевцу и, наконец, вновь перепечатанная немецко-русская баллада⁴. Сии пять штук отрыл я в одном журнале; я говорю отрыл, ибо на них уже лежало на полдюйма пыли, которая успела нападать в продолжение нескольких недель. Последняя из сих штук хотя и не новость по времени, но, вероятно, всегда будет новостью по внутреннему своему достоинству. Долго я любовался ею, рассматривал, разбирал ее со всех сторон и теперь спешу сообщить вам последствие моих наблюдений.

Рыбак. Баллада
Бежит волна, шумит волна!
Задумчив над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.

Первый стих как бы гвоздями прибит на обоих полустишиях. Трудно изъяснить красоту его; но, конечно, найдутся для него защитники и станут доказывать, что стих сей звукоподражателен. Если это и правда, то он мерою и падением своим выражает более *звон в набат*, нежели бег и шум волн. Впрочем, как нынче в моде всему подражать, и хорошему и дурному, то и сей стих имел своих подражателей. Мы нашли в одном стихотворении:

Друзья, бодрей! друзья, смелей!

Идет злодей, грозит злодей

и т. п.

Один мой знакомец, великий литератор, называет сии стихи *отбойными ямбами*. Подлинно отбойные! Желательно, чтоб они поскорее ударили отбой из русской словесности.

Душа полна
Прохладной тишиной.

Душа (должно догадываться, рыбакова) *полна прохладной тишиной*. В переносном смысле говорится, что восторг, благоговение наполняют душу; ибо сие свойственно аналогии сих понятий с некоторыми видимыми действиями; но ни тишине, ни шуму не приписывается способность наполнять душу. И что за качество тишины — *прохладная*? Поэтому есть и *теплая тишина*, и *знойный шум*, и т. п. Здесь невольно вспомнишь следующие стихи из одной оды в *громко-нежно-нелепо-новом* вкусе *.

Октябрю-непогодно-бурна,
Дико-густейша темнота,
Сурово приторно-сумбурна,
Збродо-порывна глухота,
Мерцает в скорбно-желтом слухе,
Рисует в томно-алом духе
Туманно-светлый небосклон⁵.

Право, это также значительно и выразительно. Далее:

Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих.

О! этот стих все еще шумит, и самым несносным для слуха образом: сколько слов, сколько для языка запинок.

И влажную всплыла главою
Красавица из них.

Как? Голова красавицы составлена из влаги? Теперь мы видим, что она была, по крайней мере, не пуста; и если она была составлена не из смольной влаги, то должна быть прозрачна, как хрусталь. Какая выгода иметь подругу с такою головою! Все видишь, что в ней происходит!

* См. «Журнал полезного, приятного и любопытного ч...», изданный в Москве 1804 года.

Глядит она, поет она:
Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод.

Родное дно! Что за странное родство? Доселе мы говорили: *родина, родимая сторона, а родного дна* на русском языке еще не бывало. Верно, какой-нибудь немецкий гость, неожиданный и незванный?

Хорош и *кипучий жар*. У нас жар до сего времени жег и палил, теперь уж он кипит, а без сомнения, скоро запенится и заклокочет.

Ах, если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Где эта *знойная вышина*, господин сочинитель? Я думаю, что она должна находиться, по крайней мере, подле солнца, а может быть, и выше: как же туда взобрался бедный наш рыбак? Он, помнится, все еще сидел на берегу.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?

Сия фигура вопрошения чудесна. Со временем, когда я стану приводить в порядок мой шкаф литературных редкостей, то непременно помещу я рядом с следующей, подобною ей фигурою вопрошения, взятою из одной оды:

Сам Нептун, что ль, строил стены?
Сии при море стоят?
Нет ли к Тройским к ним примены,
Что пустить внутрь не хотят
Росско воинство обильно
И тому противясь сильно?
Вислою там все рекой
Не Скамандру ль называют?
Не за Иду ль принимают
Столценберг, кой есть герой? ⁶

Стих: *Его из них исход*, — может смело поспорить в красоте и гармонии с любым из приведенных здесь стихов господина Тредьяковского. Но вот вещи, которые певцу Тилемахиды и во сне не снились: *горит свежеею красой*; не правда ли, что это удивительно как замысловато? *Прохладно-голубой свод неба!* Это также очень замысловато? Со временем мы составим новые оттенки цветов и будем говорить: *ветрено-рыжий, дождливо-желтый, мерзло-синий, знойно-зеленый* и т. п. Но оставим это и полюбуемся, как *молодой лик рыбака манит его в лоно вод*. Мы не знаем, каких лет был рыбак, но видим, однако ж, что он был моложав или молод лицом.

Здесь снова:

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна,
Как будто друг шепнул!

Чудо из чудес! *На берег плеснул вал, и в нем вся душа тоски полна, как будто друг шепнул (что-то такое) сему одушевленному валу!* А нас еще упрекают, что будто мы не творим ничего нового! Скажите, господа злоязычники, кому приходила когда-либо в голову мысль одушевить вал?

Последние четыре стиха, признаюсь, для меня никак не понятны:

Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

Кто поет и манит? какой и чей настал час? кто он и кто она бегут друг к другу? чей след навек пропал?.. Это так же понятно, как ответы новой Сивиллы Ле-Норман, и потому я не берусь разгадывать.

Вы, милостивый государь мой, так давно уже занимаетесь составлением и классификацией литературной кунсткамеры, следовательно, имеете по сей части обширные познания и великую опытность. Надеюсь, что вы не откажетесь и меня руководствовать вашими советами, и на первый случай покорнейше вас прошу снабдить меня наставлением, каким образом распутывать подобные сим гордианские узлы, если оные впредь попадут мне при рассматривании некоторых штук моей кунсткамеры? Сим вы меня весьма чувствительно одолжите.

ПИСЬМО К Г-НУ МАРЛИНСКОМУ

Впервые — «Невский зритель», 1821, № 1, ч. V, с. 56—65.

В 1820 году А. А. Бестужев, впервые выступив под псевдонимом «Марлинский», опубликовал письмо к издателю «Благонамеренного», где сообщал о замысле собрать литературную кунсткамеру, экспонатом которой был бы, в частности, перевод П. А. Катенина «Сон Гофоллии» (1815). Остроумная идея Бестужева получила поддержку многих критиков. Н. Цертелев предлагал пополнить «кунсткамеру» стихотворением Дельвига «Видение» («Благонамеренный», 1820, № 13, с. 17), а О. М. Сомов — балладой Жуковского «Рыбак». Критика этого произведения Жуковского вызвала резкую отповедь Бестужева (см. наст. изд., с. 36—37).

¹ Сомов говорит о статье Н. А. Цертелева (псевдоним: *Житель Васильевского острова*) «Письмо к г-ну Марлинскому» («Благонамеренный», 1820, № 13, с. 15—32).

² Несколько искаженная цитата из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида» (гл. 18).

³ *Марсий* — по греческому мифу, божество одноименного притока реки Меандра в Малой Азии. Он вызвал Аполлона на состязание в игре на флейте и был побежден. Разгневанный дерзостью Марсия, Аполлон содрал с него кожу.

⁴ Речь идет о стихотворении В. А. Жуковского «Рыбак».

⁵ Цитируется стихотворение П. П. Сумарокова «Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе» (1802).

⁶ Цитируется «Ода I. Торжественная о сдаче города Гданска» (силлабо-тоническая редакция).